

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VI

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1937 · Ленинград

П. П. ИВАНОВ

**«Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана
хивинского (1856—1865)**

В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии

К числу характерных особенностей современной среднеазиатской историографии относится преобладание в ней общих обзоров, затрагивающих преимущественно политическую историю края и лишь попутно касающихся основных моментов его социально-экономического прошлого. Специальные исследования по отдельным вопросам внутренней истории пока крайне немногочисленны и почти целиком замыкаются средними веками, мало затрагивая ближайшие к нам столетия. В истории Средней Азии до сих пор остается ряд периодов, исчисляемых нередко столетиями, сведения о которых ограничиваются простым перечнем политических фактов, не связанных ни между собой, ни с предшествующими событиями. Характерно, что к числу таких слабо исследованных периодов относятся не только отдаленные века, как напр. XI или XII, но и позднейшие столетия, вплоть до первых десятилетий XIX в. Высказанная четверть века тому назад акад. В. В. Бартольдом мысль о том, что «история среднеазиатских ханств XVIII—XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока»¹ до сих пор, к сожалению, не утратила своего значения. Наглядным подтверждением этой мысли может служить то обстоятельство, что по истории среднеазиатских ханств XVI—XIX вв. у нас до сих пор не появилось ни одного исследования сколько нибудь удовлетворяющего требованиям современной марксистской историографии. В части публикации источников и материалов у нас пока предпринимаются лишь первые шаги.

Несмотря на важность знакомства с аграрным строем страны для понимания всей предшествующей ее истории, все имеющиеся на этот счет

¹ Кауфманский сборник, М., 1910 стр. 1.

в литературе данные по Средней Азии сводятся пока к попутным высказываниям и кратким указаниям на отдельные факты, нередко отделенные друг от друга целыми столетиями.

Сделанная несколько лет тому назад попытка со стороны одного из экономистов суммировать разбросанные в литературе отрывочные данные и построить на основе их единую схему «эволюции землевладения» в Средней Азии на протяжении более чем тысячелетней ее истории,¹ является пока единственной и вряд ли вообще может быть признана своевременной, в виду общей неразработанности вопроса и множества встречающихся здесь неясностей и противоречий.

Восстановить для Средней Азии хотя бы в основных чертах ту «иерархическую структуру земельной собственности», которую К. Маркс считал характерной вообще для всякого феодального общества, в данное время вообще невозможно без обращения к первоисточникам. Коллективная работа в этом направлении поможет восполнить имеющиеся пробелы и создаст в будущем твердую базу для выводов и обобщений.

Рассматривая таким образом задачи дальнейшей работы, мы коснемся здесь, на основе доступного нам материала, одного из частных вопросов позднейшего среднеазиатского феодализма — вопроса о так называемых ханских землях, до сих пор не вызывавших к себе внимания со стороны исследователей.

Сведения о личном землевладении среднеазиатских феодалов в более ранний период являются вообще скудными и ограничиваются пока краткими упоминаниями о «поместьях дехканов» и «султанских поместьях» Мерва, описания которых в литературе, однако, не встречается.²

Личная, повидимому, значительная земельная собственность существовала также у монгольских ханов XIII—XIV вв., хотя ни о размерах, ни о характере ее точных данных также пока не имеется. Историк монголов Рашид-эд-дин отмечает, между прочим, тот факт, что во времена Газан-хана (1295—1304) земли, находившиеся в личном владении членов царского дома и обозначавшиеся термином «синджу»; противопоставлялись «землям дивана» (общегосударственным), а те и другие вместе отличались «от земельных участков, находившихся в частном владении».

¹ И. Ходоров. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане, Журн. Историк-марксист, т. 10, 1928 г., стр. 121—153.

² Ср. А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Ср. Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, изд. Истор.-археогр. инст. и Инст. востоковедения, Акад. Наук СССР, Л., 1933, стр. 16—17.

нии».¹ Говоря об «инджу», другой историк монголов, Вассаф, поясняет, что слово это заимствовано из Хорезма, где им обозначается «собственность владельца».²

Пояснение Вассафа представляет значительный интерес особенно потому, что слово «инджу» современными монголистами считается монгольским³ и что оно, следовательно, могло попасть в Хорезм от монголов, но не наоборот.

Приведенные слова историка указывают, повидимому, на то обстоятельство, что институт «инджу» имел в Хорезме XIII в. более широкое распространение, чем в других областях монгольского государства.

Характер сдвигов, происходивших в истории ханского землевладения в последующие столетия, остается совершенно неизученным, хотя приводимые ниже сведения об «удельных землях» хивинских ханов показывают, что данная категория феодальной земельной собственности продолжала существовать и, несмотря на неоднократную смену династий, сохранилась в том или ином виде до первого десятилетия XX в. включительно.

В течение двух последних столетий, когда развивающийся российский рынок начал предъявлять постепенно усиливающийся спрос на среднеазиатские изделия и сельскохозяйственное сырье, концентрация земельной собственности в руках феодала и торговца-ростовщика должна была происходить особенно усиленными темпами. Это обстоятельство не могло, в частности, не отразиться также на усиленном росте фонда земель, составляющих личную собственность среднеазиатских ханов XVIII—XIX вв. Иллюстрировать этот процесс для каждого из среднеазиатских ханств в отдельности при наличном состоянии материалов вряд ли было бы возможно, однако, итоги его отчасти поддаются учету. Достаточно было бы сослаться на пример последнего эмира Бухары, в личном владении которого находилось к моменту революции 1920 г., по одним данным, 1300, по другим — 1700 и более десятин орошаемой земли.⁴ Другой из представи-

¹ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. СПб., 1911, стр. 28—29. Некоторые замечания о характере землевладения при монголах вообще имеются также в цитиров. статье А. Ю. Якубовского, стр. 48.

² E. Quatmère. Histoire des mongols de la Perse. Paris, 1836, t. I, p. 130, note 12.

³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934, стр. 100, прим. ?.

⁴ Ю. Пославский. К аграрному вопросу в Зеравшанской области. Журнал «Народное хозяйство Средней Азии», 1926, № 11—12, стр. 25—26. Ср. также Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, 92, а также А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 40. Об одном из садов бухарских эмиров в г. Катта-Кургане упоминает акад. В. В. Радов, указывая, что сад «очень велик». См. Зап. Русск. геогр. о-ва, т. VI, 1880 г., стр. 40.

телей позднейших среднеазиатских династий, Худаяр-хан, в момент оставления им Кокандского ханства в 1876 г. обладал «собственным» имуществом, которое оценивалось современниками в 7 млн. руб.,¹ что, разумеется, было бы немыслимо, если бы в эту сумму не была бы включена также стоимость принадлежащих хану личных земельных угодий.² Что касается хивинских ханов, то сведения о их земельных имуществах встречаются у большинства путешественников, посещавших Хиву в XIX столетии, хотя все эти данные содержат в себе много неясностей и противоречий, как это будет показано ниже.

I

В связи с усилившимся в Средней Азии ростом общественного разделения труда и развитием элементов товарно-денежного хозяйства, Хивинское ханство в начале XIX в. вступило в стадию разложения феодальных отношений, хотя достаточных предпосылок для внедрения здесь капиталистического способа производства еще не возникло. В области экономики разложение феодализма отразилось, в частности, на переходе от натуральной ренты (харадж) к денежной (салгыт), а в политике оно сказалось на ликвидации мелких феодальных владений и подчинении их единой централизованной власти во главе с ханом Мухаммед-Рахимом (1806—1825).

Несмотря на наличие указанных явлений, феодальный способ производства продолжал в Хиве всецело господствовать и при том, повидимому, в более отсталой, чем в других среднеазиатских ханствах, форме. В пользу этого, между прочим, говорит слабое развитие городской жизни, а также факт более широкого применения методов внеэкономического принуждения в деле эксплуатации непосредственного производителя, особенно на окраинах ханства (каракалпаки, казахи, туркмены). Помимо причин социального порядка, данное положение, повидимому, находится также в связи с изолированностью Хивы от внешнего мира благодаря окружающим ее огромным безводным пространствам. В связи с этим же обстоятельством находятся и многие особенности хозяйственно-бытового уклада хивинского населения,

¹ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 442.

² Об одном из поместий кокандского хана в окрестностях г. Коканда, с дворцом, садом («чарбаг»), рисовыми полями и охотничьими угодьями сообщает кокандский историк первой половины XIX в. хаджи Мухаммед-Хаким-хан. См. Мунтахаб-ат-таварих, рукопись ИВ С 470, лл. 452б — 453а. О загородных садах «Афганбаг» и «Ургенджи-баг» последнего кокандского хана упоминается в статье М. Алибекова «Домашняя жизнь Худаяр-хана». См. Ежегодник Ферганской области, т. II, вып. 1903 г., Новый Маргелан, 1903, стр. 92.

до сих пор, к сожалению, никем не изучавшиеся.¹ Повидимому, общими особенностями исторического развития можно объяснить в частности особую живучесть в Хиве элементов рабовладельческого уклада, выразившихся в довольно широком применении труда рабов в сельском хозяйстве, о чем подробнее будет сказано ниже, хотя в других среднеазиатских ханствах — Бухаре и Коканде — рабовладение к первой половине XIX в. уже исчерпало свое экономическое содержание.

Что касается собственно аграрных отношений в Хиве, то история их на протяжении ряда предыдущих столетий остается пока неизученной даже в основных своих моментах. На основе тех немногих данных общего порядка, какие встречаются у хивинских историков, можно полагать, что местное землевладение отличалось некоторыми особенностями, связанными с своеобразием общего социально-политического строя Хивы при узбеках.

Явившись в начале XVI в. в Хиву в качестве скотоводческого кочевого народа, узбеки под влиянием недостатка пастбищ, менее чем через столетие, в значительной своей части перешли к земледелию и даже овладели необходимой в местных условиях техникой искусственного орошения. Дженкинсон, посетивший Хиву в 1558 г. отмечает, что узбеки не сеют и не потребляют хлеба, питаются исключительно мясом.² Однако из слов Абулгази видно, что уже к началу XVII столетия узбеками в Хиве были проведены крупные оросительные каналы и производились значительные посевы пшеницы.³ Ко времени Абулгази относятся также первые сведения об особенностях землевладения среди хивинских узбеков. Рассказывая о постоянных войнах, происходивших между представителями узбекской феодально-родовой знати в Хиве, Мунис сообщает при этом о попытке Абулгази-хана (1643—1663) ввести среди узбеков особого рода неписанную

¹ Из характерных для Хивы особенностей следует отметить, напр., наличие здесь хуторского хозяйства, расположение жилища земледельца посреди принадлежащего ему имения, сохранение здесь первоначальной формы арбы, а также особого местного календаря, существующего на ряду с общепринятым мусульманским календарем. О календаре см. А. Самойлович «Из туркестанской живой старины. Хивинский народный календарь». Журнал «Наука и просвещение», № 2, Ташкент, 1922, стр. 42—43. О прочих упомянутых здесь особенностях см. В. В. Бартольд «Ближайшие задачи изучения Туркестана», там же, стр. 10.

² Веселовский, Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 120.

³ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour khan publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. Tome I, Texte, p. 280. О значительных размерах производства хлеба в это время говорят чрезвычайно низкие цены на пшеницу. Около шести пудов («половина верблюжьего вьюка») пшеницы стоили в это время, по словам Абулгази, 1 тенге (20 коп. по позднейшему курсу).

конституцию, предусматривавшую как взаимоотношения отдельных родов между собою, так и порядок участия их в общегосударственном правлении.

Рассказ этот сопровождается, между прочим, сообщением о том, что все земли, расположенные по оросительным каналам (нахр), хан распределил между отдельными узбекскими племенами или родами, подробный список которых историком приводится.¹

Таким образом господствовавший среди узбеков феодально-племенной строй оказал решающее влияние и на землевладение, вылившееся в форму общинно-родового владения землей и водой, когда собственником и распорядителем средств производства являлось не отдельное лицо или территориальная община, а род в целом.² Однако при наличии резкой социальной дифференциации внутри рода, когда фактическая власть в нем принадлежала небольшой группе феодально-родовой знати (султаны, беки, бии и т. п.), право фактического распоряжения землей не могло принадлежать массе непосредственных производителей, а сосредоточивалось в руках правящего меньшинства.

Опираясь на вооруженную силу своей дружины (нукеры) и прибегая к средствам внеэкономического принуждения, узбекские родовые феодалы имели возможность организовать также оросительные работы на территории своего рода, что еще более закрепляло их право на распоряжение родовыми землями и ставило в зависимость от них родовую массу, не располагавшую в большинстве ни необходимым инвентарем, ни семенами. Таким образом хотя власть родового коллектива над принадлежавшим ему имуществом была вполне фиктивной, тем не менее род в рассматриваемое время являлся высшим распорядителем родовой собственности, в том числе и земли.

Некоторые данные о наличии общественно-родового землевладения среди хивинских узбеков встречаются также в рассказе Муниса о событиях середины XVIII в. Так, упоминая об оросительных работах в районе к югу от г. Гурлена, автор сообщает, что расположенные здесь земли являлись

¹ Фирдаусу-ль-икбаль, рукоп. ИВ С 571, л. 636. Полный перевод данного места хивинской хроники дается мною во II томе «Материалов по истории туркмен» (в печати). Там же приводится значительная часть других сведений из хивинской истории Муниса-Агехи, указываемых в данной статье лишь в кратких ссылках.

² О социальном содержании понятия «племена» или «рода» у тюркских народов в позднейшие века см. мою работу «Очерк истории каракалпаков». Труды Инст. востоковед. Акад. Наук, т. VII, Л., 1935, стр. 51—54. Что касается общинно-родового землевладения, то в наиболее яркой своей форме оно существовало среди туркмен, где следы его, как известно, сохранялись до самого последнего времени.

собственностью (мульк)¹ племени (рода) мангытов.² Характерно при этом, что оросительные работы на мульках мангытов производятся Хуразбеком, являвшимся виднейшим представителем мангытской знати и игравшим выдающуюся политическую роль в Хивинском ханстве около середины XVIII в.³

Из приведенного сообщения Муниса видно также, что феодально-родовая знать, игравшая в XVII—XVIII вв. доминирующую политическую роль в Хивинском ханстве, представляла собою в то же время крупнейших землевладельцев района, экспроприровавших так называемую родовую собственность и державших вследствие этого в зависимости от себя всю массу земледельцев и полукочевников «своего» рода. С другой стороны, постоянное стремление феодалов увеличить свои богатства за счет захвата земель соседних родов составляло экономическое содержание тех постоянных политических смут, о которых так много говорят хивинские историки этого периода.⁴

Уже отмечавшийся выше недостаток пастбищ в хивинском районе все более и более вынуждал местное узбекское население переходить к оседлости. Один из русских путешественников, посетивших Хиву с торговым караваном в 1753 г., отмечает широкое распространение здесь земледелия (в том числе хлопководства) при слабом развитии скотоводческого хозяйства.⁵ Скот покупается хивинцами почти целиком у окружающих кочевников-казахов, туркмен и каракалпаков. Вынужденный в силу естественных условий переход узбеков к оседлости не сопровождался в Хиве резким разрывом с родовыми традициями или распадом крупных родовых объединений на отдельные составные части, как это наблюдалось, напр.,

¹ Автор употребляет выражение *мульк-и-халиси*. О значении этого термина будет сообщено ниже.

² Фирдаусу-ль-икбаль, рукоп. ИВ Е 6, л. 396.

³ Хураз-бек, брат известного Артур-инака, был младшим сыном мангытского бия Ширдали, убитого в 1735 г. при попытках удержать на аральском престоле Шах-Тимура. См. «Материалы по истории каракалпаков». Труды ИВ АН, т. VII, стр. 93.

⁴ Характеризуя политический строй Хивы до начала XIX в., Муравьев пишет о ханах: «правление было феодальное, — всякий дышал и гордился независимостью своей, будучи в душе и по делу деспот, а потому никто и не заботился об общем благе». Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву. М., 1822, ч. II, стр. 36. Более подробные данные о периоде «правления инаков» и «игре в ханы» в это время в Хиве см. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 211 и сл. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 97. Его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 101—102.

⁵ Журнал мин. внутр. дел, 1839 г., № 12, стр. 375—377. Это же подтверждается автором «Топографии Оренбургской губернии» П. Рычковым, отмечающим отсутствие в Хиве собственных лошадей и прочего скота, по недостатку «пажитных мест». Сочинения и переводы, 1762 г., январь, стр. 23 (СПб.).

на Зеравшане или в Фергане. Хивинские узбеки оседали целым родом, вследствие чего здесь возник ряд оседлых пунктов, носящих названия крупных узбекских родов, напр.; Кунград, Мангыт, Кипчак, Нукуз, и др.¹

Окончательный переход к оседлости завершился среди хивинских узбеков довольно поздно, повидимому, не ранее первой половины XIX в.²

Еще в начале XIX в. часть узбеков-земледельцев не имела обычных поселений-кишлаков, а устраивала в районе своих посевов временные становища, называвшиеся здесь куренями.³ Хивинский курень имел характер как бы укрепленного лагеря, где земледельческое население (екинчи) сохраняло свое имущество и скот и в случае надобности находило себе защиту от врагов.⁴

На прочность кочевых традиций в среде хивинских узбеков указывает также термин *сахранишин* — «кочевник», употреблявшийся в Хиве еще во второй половине XIX в. для обозначения сельского жителя вообще.⁵

Несмотря на свою географическую изолированность и неблагоприятные социальные условия, Хива, разумеется, не могла целиком оставаться в стороне от общего экономического развития окружающих стран и народов. Участие в торговле с Россией, Бухарой и окружающей кочевой периферией (казахи, туркмены, каракалпаки),⁶ постепенное расширение внутреннего рынка и связанное с этим развитие товарно-денежных отношений и разделение труда должны были оказать свое воздействие как на политический строй страны, так и на производственные отношения в области сельского хозяйства. Феодално-племенная землевладельческая верхушка, строившая свое хозяйственное благополучие на разъединении страны, военных авантюрах и методах внеэкономического принуждения,

¹ Ср. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 109. О разложении родового строя в связи с оседанием в Фергане, см. В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 35—36.

² В 1842 г. Данилевский в своем описании Хивинского ханства упоминает о кочевниках среди так наз. аральских узбеков. Зап. Русск. геогр. общ., т. V, стр. 92.

³ Термин, знакомый нам еще из быта запорожцев. О значении этого термина среди монголов в Средние века см. акад. Б. Я. Владимирцов, цит. соч. стр. 37, 45.

⁴ Один из эпизодов, связанных с куренным образом жизни хивинских узбеков рода китай (хытай), описан Мунисом. См. Фирдаусу-ль-икбаль, рукопись ИВ С 571, л. 1956.

Первое упоминание о курене у узбеков в районе Хивы встречается у Муниса при описании событий первой половины XVI в. (цит. соч., рукоп. ИВ Е 6, л. 28а). Из слов автора видно, что курень сооружался из арб (телег), расставленных кольцом вокруг лагеря.

⁵ Ср. напр. Гульшен-и-девет, рукопись ИВ В 1891, лл. 39а и 59а. В одном случае термин *сахранишин* относится к кочевникам (элят), в другом — к жителям кишлака Кары.

⁶ Данные о торговле Хивы с Россией в XVI—XVIII вв. и литература по торговле Хивы вообще имеются в книге С. В. Жуковского, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915.

оказывалась теперь тормозом в деле дальнейшего развития местной экономики и должна была вызвать против себя реакцию со стороны представителей торгово-ростовщического капитала и отчасти связанных с ним общими интересами отдельных феодальных группировок.

Обострившаяся в течение последних десятилетий XVIII в. борьба между узбекскими феодалами за политическое преобладание закончилась к концу того же столетия победой представителей узбекского рода кунград,¹ при посредстве которых наметившаяся тенденция экономического развития страны получила свое дальнейшее развитие.

Уже в начале XIX в. двум выдающимся представителям новой династии — Эльтузер-хану (1804—1806) и Мухаммед-Рахим-хану (1806—1825) удается ликвидировать большую часть мелких полунезависимых владений и жестокими мерами сломить сопротивление местных феодалов. Значительная часть принадлежавших феодальной знати земель, в результате поражения или даже полного уничтожения их владельцев, должна была поступить в распоряжение главы новой централизованной монархии, или оставлявшего их за собой в качестве «удельного фонда», или жаловавшего их своим родственникам и приближенным, выдвигавшимся нередко из среды торговцев и даже вольноотпущенников и заступавшим теперь место прежних родовых феодалов.

Таким образом, с воцарением кунградской династии социальная структура крупного землевладения в Хиве должна была существенно измениться.

Начавшийся усиленный рост товарно-денежных отношений способствовал переходу значительного количества земель в руки представителей торгово-ростовщического капитала и придворной знати, усиленно эксплуатировавших возрастающую массу безземельного населения путем взимания докапиталистической ренты (издольщина).² Купля-продажа земли в первых годах XIX в. становится в Хиве довольно обычным явлением.³

Уже в начале 40-х годов XIX в. Данилевский⁴ отмечает, что земельная собственность некоторых сановников хивинского хана достигает

¹ О поддержке, оказывавшейся основателю кунградской династии Мухаммед Эмину-инану со стороны представителей торгового капитала и духовенства см. Фирдаусу-ль-икбаль, рукопись ИВ С 571, лл. 115а—119а.

² На ряду с этим в Хиве в рассматриваемое время процветали, разумеется, и ростовщические операции. Из сообщений бывших хивинских невольников известно, что «деньги на проценты даются помесечно; с 1 тилля (15 руб. асс.) в месяц берут по 1 рублю (асс.). Журнал мануф. и торг., 1843 г., ч. II, кн. I, стр. 131.

³ Это можно установить отчасти на основании ряда недавно обнаруженных мною документов, из которых самый ранний относится к 1213/1798 г. Документы в ближайшее время будут подготовлены к опубликованию.

⁴ Цит. соч., стр. 123.

2—3 тысяч таналов. К числу таких крупных землевладельцев к моменту русского завоевания Хивы (1873 г.) принадлежал известный Мад Нияз.¹

Одновременно с этим протекает процесс дальнейшего разложения рода и общинно-родовой собственности, вследствие чего обширные пространства орошенной земли, находившиеся ранее в родовом владении, переходят теперь на положение или индивидуальной собственности или поступают в собственность государства, выступающего теперь в качестве верховного распорядителя всеми землями.

Описывая приход в первых годах XIX столетия туркменского племени имрели из Хорасана в Хиву, Мунис сообщает, между прочим, что племя это было поселено ханом на землях, представлявших собою собственность (мульк) рода кенегеб.² Сообщение это важно с двух точек зрения: с одной стороны, оно позволяет утверждать, что распределение земель по признаку родового объединения продолжало в Хиве сохраняться и при первых представителях кунградской династии, с другой — приведенный отрывок подтверждает высказанную выше мысль о возросшей роли государства, в качестве высшего распорядителя всякой земельной собственности, в том числе и родовой. Дальнейшему развитию идеи государства как высшего собственника всякой земли способствовали обширные оросительные работы, осуществленные государственной властью в Хиве в XIX в.³

Заканчивая на этом краткие и предварительные замечания относительно тех общих изменений, какие происходили в структуре земельной собственности среди хивинских узбеков к моменту возникновения кунградской династии, перейдем теперь к более подробному рассмотрению той категории частновладельческих земель, мулъфов, одну из разновидностей которых составляли ханские мульки, названные условно нами «удельными землями».⁴

¹ О нем см. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 193—194.

² Фирдаусу-ль-икбаль, рукоп. ИВ С 571, л. 1816. Речь идет о районе Ходжа-эли Ходжели).

³ О них см. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 97—102.

«Ныне, когда правление инаков, правление удельное, в Хиве уничтожено, Хива в 30 лет... почти удвоила население свое и обработку земли и выкопала множество новых каналов». ... Так характеризуют происшедшие в Хиве перемены бывшие хивинские невольники, возвратившиеся в Россию в 30-х гг. XIX в. См. Сведения о Хивинском ханстве в Журнале мануфактур и торговли, 1843 г., ч. II, кн. I стр. 97.

⁴ Вопрос о вакуфах в Хиве здесь совсем не затрагивается, так как данная форма землевладения является вообще одной из самых старых в Средней Азии и за период пребывания в Хиве узбеков не подвергалась, по видимому, существенным изменениям. Значительный интерес представляло бы проследить историю землевладения среди той массы отуреченного перанского населения Хорезма («сарты» или «таты», иногда называвшиеся также таджиками), которая в XVI в. была завоевана узбеками и должна была в дальнейшем пережить, по види-

II

Начнем свое рассмотрение с краткого обзора в хронологическом порядке имеющейся на этот счет небольшой литературы.

Рассматривая сообщения ряда интересующих нас авторов, приходится отметить, что — как это ни странно — наибольшей неясностью и противоречивостью в части занимающего нас вопроса отличаются сведения более поздних писателей, что отчасти связано, повидимому, с тем обстоятельством, что источниками их сведений являлись обычно «официальные данные» ханской администрации, отнюдь не заинтересованной в раскрытии действительной картины.

С наибольшей определенностью о ханских землях в Хиве говорит Муравьев, отмечая, что «хотя и все Хивинское ханство по неограниченности власти хана в существе есть его собственность и принадлежность, однако он имеет еще исключительные земли, которые издревле принадлежали званию инахов¹ — предков его».

«Родовые поместья сии, — продолжает Муравьев, — еще увеличились присоединением имуществ тех несчастных узбеков, которые во времена честолюбивых происков хана были умерщвлены до последнего в роде. Земли сии, составляющие отдельную собственность хана,² орошаются множеством водопроводов...»³

Таким образом Муравьев, отмечая наличие в Хиве особой категории личных ханских земель, имевших характер удельных имений, подчеркивает при этом их строгое различие от общегосударственного земельного фонда хотя верховным распорядителем его был тот же хан. Из слов автора видно, также, что по происхождению своему имения Мухаммед-Рахима явились или наследственными или переходили в собственность хана в качестве конфискованного имущества казенных им феодалов.

Продукция ханских полей была, по словам Муравьева, весьма значительна и сбывалась туркменам, являвшимся, как известно, постоянными потребителями хивинского хлеба. Иногда хан прибегал, по словам того же

тому, крупную ломку в области существовавших ранее аграрных отношений. К сожалению, имеющиеся в настоящее время материалы не позволяют пока остановиться на этом вопросе.

¹ Собственно инаков, под которыми в Хиве разумелись наиболее выдающиеся представители феодално-родовой узбекской знати, игравшие основную роль в политической жизни ханства. Титул инаков носили во второй половине XVIII в. также основатели последней династии Мухаммед-Эмля и сын его Иваз-бий.

² Разрядна везде моя.

³ Н. Муравьев, цит. соч., стр. 80.

автора, к искусственному повышению цен на свой хлеб, путем запрета продажи зерна туркменам другими лицами.

Необходимо вместе с тем отметить, что рассуждения Муравьева о ханской собственности несколько затемняются словами автора о том, что хану же принадлежит «водопровод» (канал) Куюк-там («Гюйк-Там») «и многие другие» каналы, отдаваемые будто бы им на откупа. В действительности, однако, эти каналы назывались «ханскими» не потому, что они принадлежали хану, на правах его собственности, а для того, чтобы оттенить их общегосударственное значение как магистралей, орошающих основные районы ханства (напр., арык Палван, на котором расположен г. Хива).¹

О значительных доходах, получаемых ханом с своих собственных земель, говорят также русские невольники, вышедшие из Хивы в 30-х годах XIX в., хотя сведения их менее точны, чем у Муравьева.²

Еще большей неопределенностью сведения о ханских имуществе отличаются у Данилевского, который говорит о них в связи с перечислением различных категорий землевладельцев, не давая таким образом понять, представляли ли «ханские земли» категорию «судельных имуществ», как это вытекает из слов Муравьева, или они входили формально в состав общегосударственного земельного фонда.

Данилевский отмечает, что почти половина всех культурных земель ханства «принадлежит хану, его родственникам, главным сановникам, прочим чиновникам, медресам и торговому сословию». «Простому народу», по расчетам путешественника, принадлежит лишь несколько более половины всей земельной площади, причем многие из крестьян имеют «не более» 1 танапа (900 кв. саж.).³ Однако упоминание автора о «собственных садах» хана⁴ должно, повидимому, указывать на их особое положение. Такой же неясностью и даже большей запутанностью отличаются данные А. Л. Куна, по словам которого в Хиве «ханскими землями считаются земли присоединенных оружием областей (?), а также орошенные пустопорожные земли, никем не занятые, земли переселившихся жителей и, наконец, конфискованные земли».⁵

¹ Это оттенялось, между прочим, особенно строгой регламентацией работ по очистке «ханских арыков» («казу»), чего не наблюдалось в отношении каналов местного значения. М. И. Иванин в своей книжке «Хива и река Аму-Дарья» (СПб., 1873, стр. 8—11) делит все каналы Хивинского ханства на «государственные или большие», «средние или общинные» и «сметкие или частные».

² Журнал мануфактур и торговли, 1843, ч. II, кн. 1, стр. 148.

³ Г. И. Данилевский, цит. соч., стр. 123.

⁴ Там же, стр. 155 и след.

⁵ Туркеставские ведомости, 1873, № 32.

«Эти земли, — продолжает Кун, — измерены танапами и раздаются желающим (?) в том размере, в каком они просят(?)».

Здесь же автор сообщает, что ханские земли раздаются (в аренду) преимущественно безземельным («биватенли»). Говоря далее о взимании ренты с крестьян, возделывающих «казенные земли», Кун упоминает при этом о каких-то сборах «с городов и ханских садов», смешивая таким образом в одну группу совершенно различные понятия. Таким образом, несмотря на встречающиеся у автора упоминания о «ханских землях» и «собственных садах» хана, из всего им сказанного не видно, однако, к чему именно сводились основные различия между теми и другими категориями имущества.

Рассуждения А. Л. Куна о происхождении и характере «ханских земель» в ханстве носят на себе явный отпечаток книжной схоластики и в известной мере могут быть отнесены к характеристике отдельных категорий государственных (хараджных) земель на мусульманско-арабском Востоке вообще, а не к удельным землям хивинского хана. Впрочем, это видно из слов самого автора, который вместо термина «ханские земли» в другом месте цитируемой статьи употребляет выражение «казенные земли».

Изыскания так называемой «организационной комиссии 1875 г.» также не внесли необходимой ясности в интересующий нас вопрос о ханских землях. Все так называемые мульки (или мильки), т. е. земли, принадлежавшие хану и его родственникам, комиссия объединила в одну группу с общегосударственным земельным фондом, не сохранив для нас каких-либо сообщений о существовавшем между ними различии.

Отмечая это обстоятельство и резюмируя заключение названной комиссии, О. Шкапский¹ в свою очередь также объединяет личные земли (мульки) хана, его родственников и «всех сановников и беков» в одну общую группу, характерной чертой которой являлись, по словам автора, лишь некоторые «облегчения» в налоговом отношении. Такого рода объединение представляется тем более странным, что сам автор в другом месте цитируемой его работы² земельные имущества, «лично принадлежащие хану», пытается отличать как от общегосударственных земель, так и от прочих категорий земельной собственности (мульков отдельных лиц, вакуфов и пр.).

Подобного же рода сведения о ханских землях встречаются и у более поздних авторов. Характеризуя хивинское землевладение начала XX в.,

¹ Шкапский, Ор. Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 109, 119.

² Там же, стр. 99.

Гиршфельд и Галкин отмечают, что из общего количества 380 025 дес. возделываемых в Хиве земель около 100 000 дес. «принадлежат хану, его родственникам, сановникам и весьма состоятельным лицам»,¹ отмечая, таким образом, лишь значительный удельный вес крупного землевладения в ханстве и картину массовой экспроприации непосредственных производителей, но не сообщая каких-либо положительных данных по интересующему нас вопросу об удельных имуществах.

Что касается, наконец, непосредственно интересующего нас периода царствования Сейид-Мухаммеда, то в смысле необходимых нам данных он не находится в сколько-нибудь лучшем положении по сравнению с остальными десятилетиями XIX в.

Хиву в это время посетила русская миссия (1858 г.), некоторые члены которой оставили записки о своем путешествии.² Вопросов землевладения касается лишь один Килевейн, мимоходом упоминающий о том, что у Сейид-Мухаммеда имеются «свои земли и сады».³

Сведения Вамбери, посетившего Хиву в 1863 г., еще более скудны и будут разобраны ниже в связи с вопросом о роли труда рабов в сельском хозяйстве ханства.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что неоднократно встречающиеся упоминания о «личных землях и садах» хивинских ханов, с одной стороны, как будто исключают всякого рода сомнения в факте их существования, с другой — отсутствие конкретных данных о характере собственных ханских «садов» и «имений», их местоположении, размерах, а также об основных признаках, отличающих их как от общегосударственных земель, так и личных «мульков» отдельных лиц, не позволяет с достаточной обоснованностью выделить ханские земли в особую, четко обозначенную, категорию и даже установить их наличие в отдельные периоды XIX в. вообще. Эта неясность еще более усиливается от того, что какого бы то ни было разделения на «ведомства» или «министерства» в Хиве, разумеется, не существовало, вследствие чего, проследить отдельно те или иные доходы

¹ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902—1903, ч. II, стр. 45. Лобачевский (Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 71) ограничивается лаконичным упоминанием о «землях, составляющих личную собственность хана».

² Общие данные о политическом состоянии ханства при Сейид-Мухаммеде приводятся Н. И. Веселовским в цитир. его соч., стр. 346 и сл.

³ Килевейн. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейид Мухаммед-хана. Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. I, стр. 108. Здесь же автор сообщает, что «земли в Хиве издревле распределены по семействам и племенам, а не принадлежащие никому (?) жалуются ханом в виде награды».

и расходы хана, объединяемые обычно понятием «ханской казны», не представляется возможным.¹

Между тем вопрос о ханском землевладении в Хиве представляет значительный интерес как для общей истории развития позднейшего среднеазиатского феодализма, так и для характеристики аграрных отношений в Хивинском ханстве, в частности. Поэтому как устранение имеющихся неясностей по данному вопросу, так и уточнение его на основе более широкого фактического материала является весьма желательным. С этой точки зрения является бесполезным ознакомление также с теми немногими данными, которые встречаются по вопросу о ханском землевладении в хивинской истории, составленной придворными историографами Мунисом и Агехи.²

III

Посвящая большую часть своего труда описанию военных подвигов ханов, их охот и торжественных приемов, хивинские историки попутно упоминают иногда о ханских «садах» и прочих угодах и, с целью подчеркнуть богатство и роскошь своих повелителей,³ иногда описывают их в витиевато-напыщенных выражениях, как в прозе, так и в стихах.

Из сказанного должно быть ясно, что сведения Муниса и Агехи носят отрывочный и односторонний характер, и если они все же, несмотря на все свои недостатки, являются предметом настоящего сообщения,⁴ то это объясняется лишь исключительной скудостью имеющихся в литературе данных по этому вопросу, как это отмечалось уже отчасти выше.

Прежде чем переходить к изложению интересующих нас кратких известий из сочинений Муниса и Агехи, остановимся в нескольких словах на их терминологии.

¹ Существенной чертой, отличающей поступления от собственных имуществ хана, являлось то, что они могли тратиться только на личные потребности хана, тогда как общегосударственные средства тратились им и на собственные нужды и на покрытие общих расходов государства.

² Общие данные о труде Муниса и Агехи (Огехи) см. в моем Очерке истории каракалпаков. Труды Инст. востоковед. т. VII, Л., 1935, стр. 44—45. Там же, библиография.

³ Кстати следует заметить, что в связи с ожесточенной гражданской войной, происшедшей в Хиве в 1855 г. и в начале 1856 г., ханство в первые годы правления Сейид-Мухаммеда переживало эпоху экономического упадка. Много полей оставалось незасеянными, хлеб ввозился из Бухары, появилась сильная эпидемия. См. Килевейн. Цит. соч., стр. 103.

⁴ Доклад читался в Научно-исследов. институте марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) Уз в г. Ташкенте в конце 1935 г.

Прежде всего следует отметить, что в отношении интересующей нас категории имуществ авторами совершенно отчетливо выражается понятие их личной принадлежности хану,¹ что ни в коем случае не позволяет нам смешивать фонд ханских удельных угодий с теми или иными имуществами общегосударственного значения, хотя бы и составлявшими «собственность» хана в смысле феодальной собственности вообще.²

Упоминая об имениях хана, составляющих личную или родовую его собственность, Агехи применяет по отношению к ним термин «мульк-и-халис» или «мульк-и-халиси» независимо от состава входящих в них хозяйственных угодий. Обозначая собой определенную категорию частновладельческих земель, освобожденных от всякого рода феодальных повинностей, данный термин является общераспространенным для всех среднеазиатских ханств и для Хивы вообще не характерен. Определяя категорию земель мильк-и-халис в Бухарском ханстве XIX в., проф. А. А. Семенов³ отмечает два присущие данному виду собственности признака: свободу их от всяческого рода обложений (земли «очищенные» или «обельные») и их «жалованный», «дарственный» характер.

В отношении последнего признака приходится отметить, что он, разумеется, несовместим с понятием ханских мульков, носивших или наследственный характер, или образовавшихся, как будет видно из дальнейшего, путем освоения («оживления») новых земель.⁴ Что касается пожалования земель, то следует отметить, что при Сейид-Мухаммеде раздача земель, повидимому, была широко распространена, если судить по тому, что большинство имевшихся в распоряжении упоминавшейся уже «организационной комиссии» дарственных документов относилось именно к 50-м годам XIX столетия.⁵ Об отдельных случаях пожалования упоминает в своем сочинении и Агехи (см. ниже). Необходимо при этом отметить, что термина «мульк-и-халис» к такого рода пожалованиям автор не применяет, из чего можно заключить, что эти земли не являлись «очищенными» целиком от обложения.

¹ Ср., напр., выражение *الحضرت غه مخصوص بولغان ملك خالصي* встречающееся в Шахид-и-икбаль, соч. Агехи, рукопись Инст. востоковед. С 571, л. 246.

² В тех же выражениях Агехи говорит и о личной охране и собственных ханских мехремах — *محورلار مخصوص سپاه و خاصه اوزى نهنك اوزى حاصه سپاه* Там же, л. 236а.

³ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 9.

⁴ Замечание относительно «обельного» характера ханских земель должно, повидимому, относиться и к «эмирским землям» в Бухаре (см. выше), о которых, впрочем, А. А. Семенов в своей работе, кажется, не упоминает.

⁵ Шкапский, цит. соч., стр. 136.

В отдельных случаях вместо термина «мульк-и-халис» Агехи употребляет выражения «макан-и-халиси» — «место очищенное» (от налога), а также «мазра-и-хусуси» — «личные, собственные земли».¹

Основную категорию земель в Хивинском ханстве XIX в. составляли земли государственные, для обозначения которых Агехи употребляет термин «мемлеке-и-падшахи».² Этот же термин в форме «мемлеке-и-падшалык» был известен хивинцам в конце XIX в.³ Позднейшими русскими авторами эти земли назывались землями «падшалычными».⁴ Владельцы «падшалычных» земель, являвшиеся юридически лишь арендаторами их у государства, уплачивали в ханскую казну поземельный налог — салгыт деньгами, в сумме от 1 до 3 тиллей (1 р. 80 к. — 5 р. 40 к.), «смотря по величине участка».⁵ По словам Вамбери, салгыт в 1863 г. взимался в размере 18 тенег (3 р. 60 к.) с каждых 10 танапов.⁶ Третью категорию земель составляли вакуфные земли, принадлежавшие религиозным и благотворительным учреждениям.

Что касается различных хозяйственных угодий, находившихся на ханских мильках, то Агехи говорит о них крайне глухо, упоминая в общих выражениях о «дворах» (хаули),⁷ «возделываемых полях» (мазра), «садах» (баг) и «дворцах» (каср), воспевая обычно их красоты в самых общих выражениях, но не сообщая при этом более конкретных данных.

Впрочем, устройство богатого хивинского сада нам в общих чертах известно благодаря имеющемуся описанию одного из путешественников 70-х гг. XIX в.⁸ Из приложенного к описанию плана видно, что наибольшая площадь в саду отводилась под абрикосы, персики и виноградник; значительно меньшее место занимали яблони, гранаты, винные ягоды и груши. Внутри окружавшей сад высокой стевы помещался также двор вместе с жилыми и хозяйственными постройками, огородом и цветником,

¹ В Бухаре в начале XIX в. в этом же значении, повидимому, употреблялся термин «мильк-и-хусуси». См. Записки Инст. востоковед., т. II, вып. 2, Л., 1933, стр. 81.

² Гульшен-и-девет, рукопись Инст. востоковед. № С 1891, л. 1236. Термины «мемлеке-и-падшахи» или «мемлеке-и-султани» употреблялись в Средней Азии также в начале XVI в., так как они встречаются в относящейся к 1514 г. вакуфной грамоте медресе Шейбани-хана. См. рукопись Инст. востоковед. № 670, лл. 19а, 72б, 73а. Этот же термин употреблялся в Бухаре в начале XIX в. См. Записки Инст. востоковед., цит. вып., стр. 81.

³ Шкапский, цит. соч., стр. 99—100.

⁴ Там же, стр. 93, а также Туркест. ведом., 1873, № 32.

⁵ Туркест. ведом., 1873 г., № 32.

⁶ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 166—167.

⁷ Впрочем, «хаули» не только двор, но и двор с домом и всеми хозяйственными постройками. В этом смысле термин «хаули» употребляет Абулгази (Изд. Демезова. Texte, p. 309).

⁸ Военный сборник, 1874, № 4, стр. 384—388.

отделяясь от общей садовой площади посредством особой внутренней стены. Пространство между фруктовыми насаждениями обычно засевалось люцерной. Размеры такого богатого сада достигали, по словам автора, пяти десятин.

Такая цифра, однако, возбуждает большие сомнения, так как фруктовый сад в пять десятин предполагает наличие в Хиве в данный период промышленного садоводства, которого в действительности не существовало здесь, в силу определенных экономических причин, даже в позднейшее время. Правильнее было бы поэтому допустить, что если сады указанных размеров в Хиве и существовали, то они имели иной характер. В связи с этим обстоятельством значительный интерес представляет вопрос о том — всегда ли в Хиве понятие сада связывалось с участком земли, занятым под фруктовые насаждения специально или даже в большей своей части.

С этой стороны заслуживает внимания уже цитировавшаяся выше статья Килевейна, где, между прочим, упоминается о «саде» известного казакского бия Азбергена,¹ находившемся в районе к северу от г. Куяграда. «Сад» Азбергена замечателен тем, что в стенах его в 1856 г. при нападении туркмен нашли себе защиту полторы тысячи семейств местных жителей,² повидимому, вместе с своим скотом и имуществом. Что в данном случае под «садом» подразумевается обычная богатая усадьба со всеми ее угодьями, видно из слов того же автора, который отмечает, что в Хиве «каждый владелец земли огораживает участок свой земляными (т. е. глинобитными. *П. И.*) стенами. В ограде у него обыкновенно пашни, сад, огород, скот, иногда и фабрика (?) и различные ремесла.³ Такой владелец, — продолжает Килевейн, — называется бек или ходжейн (хозяин)».⁴ К числу таких богатых, типичных для Хивы, хуторов-поместий принадлежал и «сад» Азбергена, так же как и ханские «сады», о которых упоминает в своей «Истории» Агехи. Упоминая об одном из ханских поместий в сел. Янги-арык, Агехи в одном из своих сочинений⁵ говорит о «дворе и саде», а в другом⁶ — просто о «дворе» (хаули), не упоминая уже совсем о саде, из чего можно заключить, что «сад» обозначал то же, что и «двор». Об

1 О нем см. Труды Инст. востоковед. т. VII, Л., 1935, стр. 141, 240. «Сад» Азбергена нанесен на карту, приложенную к сочинению Каульбарса о низовьях Аму-Дарьи.

2 Килевейн, цит. соч., стр. 98.

3 Автор имеет в виду и в том и в другом случае кустарные производства.

4 Там же, стр. 97.

5 Гульшен-и-девлет, цит. рукопись, № 1891, л. 123б.

6 Фирдаусу-ль-икбаль, цит. рукопись, л. 251а.

одном из таких «дворов» «с садом и пашнями» упоминает также бывший хивинский невольник Грушин.¹

Уже упоминавшийся выше план одного из хивинских садов, между прочим, показывает, что двор с относящимися к нему хозяйственными угодьями и огородом занимает только около $\frac{1}{5}$ всего обнесенного наружной стеной пространства, а остальная часть площади отводится под фруктовые насаждения и посевы люцерны. Другие приведенные выше данные указывают, однако, что такое соотношение между площадью «двора» и сада в собственном смысле не явилось вообще для Хивы типичным и что удельный вес площади под фруктовыми насаждениями мог понижаться до минимума за счет расширения огорода и пашни. Такого рода имение-хутор также носило в Хиве название «сада».² Впрочем, на дальнейшем материале эту мысль можно проследить более подробно.³

IV

Не останавливаясь на единственном, повидимому, упоминании о поместье (хаули), принадлежавшем хану Эльтузеру,⁴ можно считать, что первые сообщения истории Муниса-Агехи об «удельных землях» хивинских ханов связаны с Мухаммед-Рахимом, положившим, как мы уже видели,

¹ В. Даль. Рассказ пленника Ф. Ф. Грушина. Литературное приложение к «Русскому инвалиду», 1878, № 5, стр. 84.

² «Хивинцы живут более в окружности... крепостей, каждый при своем разведенном саду, где и хлеб для себя сеют...» Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. Отд. отд. из Журн. мин. внутр. дел, 1839, № 12, стр. 27.

³ Повидимому, близкое сходство с хивинским «садом» в указанном выше значении в Бухаре имел термин «ч а р б а г» (букв. «четыре сада»), также переводимый иногда в значении «ханский сад» (стр., напр., В. Л. Вяткин, «Материалы к историч. топографии Самаркандского вилайета, с. 33). Об одном из таких «чарбагов» при тимуридах упоминает Абд-ар-Реззак самаркандский (См. Notices et extraits, XIV, première partie, pp. 498—499), указывая, что площадь его достигала 440 д ж е р и б о в. Упоминания о богатых «чарбагах» среднеазиатских ханов и их сановников встречаются во многих сочинениях по истории Средней Азии XV—XIX вв. Тщательное изучение вопроса о ханских «чарбагах», под которыми следует, повидимому, понимать поместья бухарских феодалов, как светских, так и духовных, несомненно могло бы пролить свет на один из интересных и неисследованных еще вопросов истории феодального землевладения в Средней Азии в послетимуровскую эпоху. В Хиве термин «чарбаг» в XIX в., повидимому, не пользовался распространением, хотя Агехи однажды упоминает о чарбаге некоего Мумин-Каши (Гульшен-и-девет, цит. рукоп., л. 137а). Очевидно, в Хиве вместо «чарбаг» употреблялся термин «баг» (сад). Впрочем, одно из ханских поместий в районе Куны Ургенча упоминается путешественником Базинером (1842 г.) под названием чербага. См. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und angrenzenden Länder Asiens, Bd. XV, 1848, St. Petersburg, S. 104—105. Следует отметить также, что если «сад» (баг, чарбаг) обозначал в Хиве поместье или усадьбу крупного, богатого землевладельца, то обыкновенная усадьба-хутор (также окруженная стеной) обозначается хивинскими историками термином «кала» (букв. «крепость»).

⁴ Фирдаусуль-икбал, рукоп. С 571, л. 1906 (то же рукоп. Е 6, л. 77а). Поместье располагалось в сел. Куюк-там недалеко от Хивы.

прочное основание политическому могуществу последней по времени местной династии. Описывая различного рода походы Мухаммед-Рахима, хивинские историки упоминают, между прочим, об отдельных его поместьях (хаули), расположенных частью в сел. Янги-арык,¹ частью в Бадркенте (в окрестностях г. Хивы)² и Анбаре.³ Последнее селение (кал'а), как видно из описания, принадлежало хану целиком.

Из европейских путешественников о поместьях («садах») Мухаммед-Рахима, расположенных в районах Ташауза, Китая и Анбара, упоминает также известный Ковырзин, близко знавший хозяйственную жизнь ханства (бежал из хивинской неволи в 1826 г.).⁴

Ряд имений («дворов» и «садов»), принадлежавших хану Мухаммед-Рахиму, упоминается и при его преемниках. Так, напр., ханские угодья в сел. Янги-арыке упоминаются в 1842 г., когда на хивинский престол взшел второй преемник Мухаммед-Рахима — Рахим-Кули-хан.⁵ Некоторые из имений Мухаммед-Рахима, однако, не упоминаются при описании дальнейших царствований, и, наоборот, упоминаются новые поместья, не встречавшиеся при Мухаммед-Рахиме, как, напр., ханские «дворы» (хаули) и «сады» (баг) в окрестностях г. Куния Ургенча, принадлежавшие в 1853 г. Мухаммед-Эмин-хану.⁶ О дальнейшей судьбе поместий в Куния Ургенче сведений не встречается. Исчезновение из состава «удельных земель» некоторых угодий может быть связано или с передачей их владельцами в вакф, что было сделано, напр., Рахим-кули-ханом (1842—1845),⁷ или пожалованием их своим родственникам и приближенным, как это будет ниже отмечено в отношении царствования Сейид-Мухаммед-хана. Таким образом, «удельный фонд» хивинских ханов не представлял собой неизменной величины и в той или иной части на протяжении XIX в. менялся. Как общий объем «удельного фонда», так и характер происходивших в нем с течением времени изменений могут быть довольно подробно прослежены на материалах истории царствования Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865),⁸ к рассмотрению которых мы теперь и приступим.

¹ Фирдаусу-ль-икбаль, рукопись Инст. востоковед. Е 6, лл. 251а, 259б.

² Там же, рукопись С 571, л. 253б.

³ Там же, л. 293б.

⁴ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens, Bd. II, St. Petersburg., 1839, S. 20—21.

⁵ Мунис-Агехи, рукопись Е 6, л. 393б.

⁶ Там же, л. 492а.

⁷ Там же, л. 496б.

⁸ История эта носит у Агехи пышное название Гульшен-и-девлет — «Цветник благоденствия». Цитируется по рукописи Инст. востоковед. С, 189Г.

Первое сообщение Агехи о поместьях Сейид-Мухаммеда относится к 1272 г. х. (1856) и связано с рассказом о посещении ханом местности (селения) Гендумкан¹ в окрестностях г. Хивы и устройстве им здесь угощения своим приближенным. Прежде чем приступить к подробному описанию роскоши ханского пира, автор, между прочим, сообщает следующее: «В Гендумкане имеется прелестный сад и великолепный двор, которые были устроены блаженной памяти Мухаммед-Рахим ханом, отцом (Сейид-Мухаммеда). После смерти его величества (Мухаммед-Рахима) этот сад вместе с двором достались его сыну Рахман-кули-ишаку, а после смерти последнего перешли к сыну его Муса-төре. Когда Муса-төре умер, детей у него не осталось. В настоящее время его величество (Сейид-Мухаммед) овладел по наследству (بطریقة ارث) этим подобным раю садом вместе с двором (хаули) и прекрасными полями («мазра») и превратил все это в свой собственный, «очищенный» мульк (мульк-и-халис).² Несмотря на довольно общий свой характер, приведенный отрывок интересен в том отношении, что им подчеркивается определенная преемственность в порядке наследования родовыми поместьями ханского рода, в соответствии со старшинством его представителей. Это, между прочим, подтверждается и другим, более поздним, сочинением Агехи, где сообщается, что когда хан Сейид-Мухаммед умер (1865) и его престол занял сын его Сейид-Мухаммед-Рахим, то он же наследовал и указанное поместье в Гендумкане в качестве личного своего мулька.³

Приведенный отрывок ценен также в том смысле, что он весьма отчетливо вскрывает понятие ханского «сада», упоминая при этом о «дворе», под которым, очевидно, разумеются хозяйственные постройки поместья, и «прекрасных пашнях», как принадлежности «сада». ⁴ Обратим внимание при этом на то обстоятельство, что в данном случае речь идет о «пригородном» саде, который, не имея данного свидетельства Агехи, можно

¹ О Гендумкане (کندمکان) в качестве селения («кент») у ворот г. Хивы упоминает уже Абулгази в XVII в. (См. *Histoire de Mogols etc. Texte*, p. 317). О саде Гендумкан (Гю м г ю м д а н) около Хивы упоминает Килевейн в 1858 г. (цит. соч., стр. 101), а также Н. Залесов (Военный сборник, 1859, кн. 5, стр. 274—275).

² Гульшен-и-девлет, цит. рукопись, л. 716—72а. Далее следует обширное стихотворение, восхваляющее красоты «сада» и его хаузов (водоемов). По поводу сада в Гендумкане Килевейн говорит следующее: «Сад этот — месторождение Сейид-Мухаммеда, — принадлежал некогда его отцу Мухаммед-Рахиму» (цит. соч., 101).

³ Шахид-и-икбаль. Соч. Агехи, рукопись Инст. востоковед., № С 572, л. 246. Про хана Сейид-Мухаммед-Рахима автор сообщает, что тот любил выезжать в свои «сады», когда в городе наступала летом жара (здесь же, лл. 209а—209б).

⁴ Н. Залесов (цит. соч., 275) говорит в частности о большом количестве дынь, которые выращивались в «саду» Гендумкан.

было бы легко принять за «пригородную виллу» или обыкновенную «летнюю резиденцию» хана, лишенную всякого хозяйственного значения.¹ Такой взгляд на ханские «сады» целиком опровергается как приведенным местом сочинения нашего автора, так и некоторыми другими его сообщениями.

Излагая дальнейшие события царствования Сейид-Мухаммеда, Агехи, между прочим, сообщает, что в 1273 г. х. (1857) хан на двух принадлежащих ему наследственных мульках (ملك موروثی), являвшихся личными его полями (مزرعة خصوصی), одно из которых находилось к югу от г. Хивы в местности Ангарык (انگاریک)² а другое — к востоку (от Хивы) в селении (карье) Гендумкан (о котором говорилось уже выше), приказал устроить «преlestные сады» (баг) и «великолепные дворцы» (касп).³ Далее рассказывается, что в каждом из устроенных садов были насажены высокие деревья, «возносившие свои вершины к небу», а также произведена посадка различных сортов фруктовых насаждений. С разных сторон к садам были проведены арыки, устроены хаузы (водоемы) и насажены цветы. Сообщение заканчивается большим стихотворением и «тарихом» (хронограммой) по случаю устройства садов.⁴

Эти слова Агехи являются дальнейшим подтверждением того, что сад, как таковой, хотя и является составной частью ханского поместья — «сада», однако, не составлял его существенной принадлежности, иначе трудно было бы понять приведенный рассказ об устройстве сада в Гендумкане в 1273 г., поскольку о «саде» здесь же говорилось уже годом раньше.

При описании ханской охоты в том же (1273) году, Агехи, между прочим, сообщает, что хан по выезде из столицы сделал первую свою остановку в местности Янги-арык, где «находился прекрасный двор и пленящий сердце сад, входивший в состав (земель) м е м л е к е - и - п а д - ш а х и».⁵

Другим местом, где располагались ханские поместья, являлось селение (карье) Чанак-шейх (چانکشیخ), находившееся приблизительно на половине пути между Хивой и Ургенчем.⁶ Поместья в Чанак-шейхе пользовались,

¹ Так расценивает, напр., «эмирские земли» в Бухаре проф. Ю. И. Пославский. См. Журн. нар. хоз. Ср. Азии, 1926, № 11—12, стр. 22. Противоположную точку зрения И. Е. Ходсрова см. журн. Историк-марксист, 1928, т. 10, стр. 144.

² О канале под таким названием упоминает Кун, Турк. ведом., 1873, № 32.

³ Гульшен-и-девлет, лит. рукопись, л. 110а. Из сообщения Н. Залесова видно, что один «дворец» в Ангарыке (Ангерик) существовал еще в 1842 г. (лит. соч., стр. 283—284).

⁴ Там же, лл. 110а—110б.

⁵ Там же, л. 123б. Как упоминалось уже выше, «двором» в Янги-арыке (сел. в 30—35 км к востоку от Хивы) владел уже Мухаммед-Рахим.

⁶ Там же, л. 241а.

повидимому, значительной известностью, так как о них упоминает один из русских путешественников, топограф Непринцев, из слов которого видно, что «ханский сад Чанах-чи» находился в 9 км от Кош-купрюка (Кош-купыр) в сторону Хивы среди сплошь обработанной местности.¹ О ханских «садах» в Чанак-шейхе Агехи упоминает три раза, не давая, к сожалению, каких-либо интересных для нас подробностей. В первый раз автор говорит о местности (маузи) Чанак-шейх в связи с описанием поездки Сейид-Мухаммеда на поклонение (зиярет) мавзолею святого Увейс-султана (у подножия горы Судтан-Уиз-даг), по возвращении откуда хан посетил Чанак-шейх, где находился «прекрасный двор и прелестный сад, являвшиеся (собственными) мульком (мульк-и-халиси) его величества».²

В другом месте³ автор добавляет, что в Чанак-шейхе находился также богатый ханский дворец (касп), построенный по личному распоряжению Сейид-Мухаммеда. То же самое повторяет Агехи в третьем месте,⁴ называя здесь Чанак-шейх уже не местностью (маузи), а селением (карье). Характера угодий, входивших в состав ханского мулька в Чанак-шейхе, Агехи не указывает, однако, из приведенного выше сообщения топографа Непринцева о сплошной полосе возделываемых здесь земель можно заключить, что и данное ханское поместье не являлось обыкновенным садом, на что, впрочем, отчасти указывает и сам Агехи, упоминающий одновременно с «садом» и о «прекрасном дворе».

Почти все приведенные выше сообщения Агехи указывают, что ханские имения-мульки являлись наследственными, составляя как бы фамильные домены ханствующего дома (ملك موروثی). Одно из таких же наследственных поместий, состоявшее из роскошного «сада» и принадлежавшее также к числу «очищенных» ханских имений (مكان خالصی), находилось в районе г. Ургенча.⁵

На ряду с наследственными землями автор истории Сейид-Мухаммеда говорит также о ханских имениях («садах»), устроенных и на вновь орошенных землях. Примером такого «пленящего сердце сада», поэтическое описание которого занимает видное место в сочинении Агехи, является ханское поместье в Шимамкенте, на правом берегу Аму-дарьи, к северу от Шейх-Аббас-вели.

¹ Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. I, СПб., 1883. Приложение, стр. 33—34.

² Гульшен-и-девлет, л. 1616.

³ Там же, л. 1806.

⁴ Там же, л. 241а.

⁵ Там же, л. 240б.

«Да будет известно, — говорит Агехи,¹ — что Шимамкентом называется (местность), представлявшая собой с давних пор пустынную невозделываемую (بون) равнину (هموار). По приказу его величества (Сейид-Мухаммеда), один из его приближенных, высокопоставленный Мухаммед-Якуб-мехрем, провел в этих невозделанных землях новый арык (яб) и оросил их, благодаря чему в этой цветущей местности стали возделываться всевозможные злаки (галля). Прибыв сюда (в 1278—1861 г.), хан приказал устроить здесь сад,² вследствие чего искусные землемеры (муссах) и отличные инженеры (мухандис) отмерили сто танапов земли и приготовили место для сада, а затем посадили здесь саженцы (нихаль) ста сортов (?) различных фруктовых деревьев».³ Данное сообщение важно не только в том отношении, что оно позволяет установить с полной достоверностью один из источников пополнения ханского удельного фонда (за счет «оживленных земель»), но и потому, что оно на этот раз определяет размеры ханского «сада». Принимая величину хивинского танапа в 900 кв. саж., мы должны были бы определить размер данного «сада» в 40—45 га. Несмотря на свою кажущуюся скромность, данная цифра должна быть признана в условиях орошаемого хивинского хозяйства чрезвычайно значительной, если принять во внимание, что размеры земельных наделов для большинства крестьянских дворов в районах, прилегающих к каналу Шимамкент, определяются, по Шкапскому, от 1 танапа, при наличии значительного числа безземельных.⁴ Приведенный отрывок является также одним из бесспорных доказательств в пользу принятого нами толкования термина «сад» в хивинских условиях. Немыслимо совершенно допустить, чтобы вся отведенная «искусными землемерами»⁵ орошаемая площадь в Шимамкенте была отведена под древесные, тем более фруктовые, насаждения. Совершенно бесспорно, что под

¹ Гульшен-и-девлет, лл. 238а—238б.

² В тексте باغ و بوستان (баг ве бустан), различие между которыми автором не объясняется. О значении этих терминов в средние века (также о чарбаге) см. В. В. Бартольд, История культ. жизни Туркестана, стр. 36.

³ Ср. также В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана. СПб., 1911, стр. 102. Шкапский (цит. соч., стр. 120, 138) также упоминает о канале Шимам, но неизвестно, по каким причинам относит его прорытие к началу XIX в., строя на этом некоторые свои рассуждения. Арык Шимам нанесен на специальных картах Хивинского оазиса, напр. на карте, приложенной к книге Шкапского, а также в «Материалах» по землепользованию Аму-дарьинского отдела, изд. Переселенч. управл., Ташкент, 1915. На карте, приложенной к книге А. В. Кальбарса «Низовья Аму-дарьи» (СПб., 1881), нанесен также «сад Шмам-бак» (т. е. «баг»).

⁴ Шкапский, цит. соч., стр. 135, также таблица на стр. 193. Правда, сведения Шкапского относятся к периоду спустя 30 лет после описываемых событий, однако, общая картина распределения крестьянских угодий вряд ли подверглась за это время значительным изменениям в лучшую сторону.

⁵ Обычно они называются в Средней Азии «танапкешами».

садом здесь автор понимает весь комплекс хозяйственных угодий, включая сюда пахотные земли и вообще все необходимое для ведения большого хозяйства.¹

В соседнем с Шимамкентом районе — Шураханском — находилось и другое ханское поместье (мульк-и-халиси), расположенное около Анбар-хана и состоявшее из «прекрасного двора» (хаули) и «прелестного сада» (баг). В «саду» находился дворец хана (касп), «прекрасный, как райские чертоги».²

Изложенными краткими отрывками по существу и исчерпываются данные Агехи о поместьях Сейид-Мухаммед-хана.

Является ли приводимый историком перечень ханских «садов»-поместий исчерпывающим — сказать трудно, так как все приведенные выше сведения даются автором попутно и какой-либо самостоятельной цели не преследуют.

Отмечаемые Агехи пункты (Гендумкан, Ангарык, Чанак-шейх, Янгиярык, Шимамкент, Анбар-хана) показывают, что поместья Сейид-Мухаммеда располагались преимущественно в окрестностях столицы, в радиусе 20—25 км от г. Хивы, и отчасти в районе Шурахана, на правом берегу Амударьи,³ т. е. почти исключительно в центральной части ханства, где земля представляла особенно высокую ценность⁴ и где сбыт сельскохозяйственной продукции представлял ряд преимуществ по сравнению с окраинными районами.⁵

Несмотря на то, что приведенные здесь сведения Агехи незначительны по объему и односторонни по содержанию, они все же позволяют установить с несомненностью как самый факт существования в Хиве ханских родовых поместий-мульков, так и специфическую черту их — характер «обельных» земель, не свойственный вообще ни государственным землям, ни частновладельческим мулькам ханства.

¹ Принятое здесь толкование термина «сад» целиком относится также к современности, как это удалось мне выяснить в Ташкенте от лиц, непосредственно знакомых с хивинским районом Узбекской ССР.

² Гульшен-и-девет, лл. 2366 — 237а.

³ Район современного г. Торткюля (Турткюля), центра Кара-Калпакской АССР.

⁴ В 30-х гг. XIX в. тапак земли в Хиве стоил от 15 до 500 руб. и более (асс.), смотря по качеству земли и расстоянию ее от центральных городов ханства; чем ближе находился участок к Хиве и Ургенчу, тем он стоил дороже. Журн. мануфактур и торговли, 1843, ч. II, стр. 183.

⁵ Особенно выгодными в ближайших к Хиве районах являлись посевы люцерны, а также багчи (ср. Журн. мануф. и торг., цит. соч. 378, 380, 383). Повидимому в связи с этим обстоятельством в «саду» в Гендумкане находились большие багчи, о которых упоминает Н. Зазесов (см. выше).

Благодаря данным нашего автора, мы теперь получаем возможность рассматривать ханские земли «во времени и пространстве», зная более или менее определенно как состав угодий одного из хивинских ханов, так и размещение их на территории ханства.

Само собой разумеется, что приведенные данные составляют только часть (хотя и существенную) из того, что необходимо нам было бы знать для характеристики ханского землевладения.

Подробных сведений о составе хозяйственных угодий на ханских мульках и каких бы то ни было данных об организации и экономике ханского хозяйства — мы в сочинении Агехи, разумеется, не встречаем; точно так же не находим мы здесь каких-либо указаний на особенности положения крестьянства на ханских землях и методы его эксплуатации. Все такого рода данные приходится заимствовать из тех кратких заметок и сообщений, какие встречаются в некоторых сочинениях европейских путешественников. Однако, прежде чем порекомендовать к рассмотрению имеющихся немногих известий этого рода, остановимся еще в нескольких словах на поместьях старшего брата Сейид-Мухаммед-хана — Сейид-Махмуда-тöre, игравшего выдающуюся роль в ханстве в данный период и даже носившего титул «эмир-уль-умара» — главнокомандующий.

Описывая один из походов, совершившихся Сейид-Махмудом против возмущившихся туркмен-йомутов в 1275—1858 г., Агехи упоминает об одной остановке войск в местности между (городами) Мангытом и Кытаем, «где находилась (собственные) мульки-поместья (мульки-и-халиси) и обширные поля (мазра-и-васи) царевича».¹ В другом месте² сообщается о «восхитительном саде» Сейид-Махмуда, находившемся в районе к западу от Хазараспа. В третий раз Агехи упоминает о большом «саде» в Шурахане, принадлежавшем раньше царевичу Рахим-кули-инаку, а теперь являющемся собственностью эмир-уль-умара (Сейид-Махмуда).³ В «саду» находился высокий дворец, также обозначаемый автором термином «каспр».

Говоря о районе Шурахана, следует отметить, что значительное большинство орошенных земель этой местности находилось, повидимому, на положении мульков, принадлежавших представителям ханствующего рода. Так, в одном из более ранних рассказов Агехи⁴ сообщается, что вся местность (маузи) Шурахан с ее волостями и районами (توايح و لواحق بيله)

¹ Гульшен-и-девлет, л. 171а. О Сейид-Махмуде упоминает Калевейн (цит. соч., 104), как об умном и «весьма богатом» человеке.

² Там же, л. 235а.

³ Там же, л. 237б.

⁴ Там же, лл. 129а—129б.

была пожалована ханом (Сейид-Мухаммедом) своему брату Сейид-Махмуду, а тот в свою очередь все пахотные земли (جميع مزروعات) этого района пожаловал Мухаммед-Якуб-баю в награду за выдающуюся его службу царевичу.¹

Из приводившегося выше более позднего сообщения автора видно, что упоминавшийся уже ханский «сад» в Анбар-хана не входил в общее число пожалованных Сейид-Махмуду угодий и продолжал оставаться на положении отдельного поместья самого хана.² Что касается сообщения о передаче земли Мухаммед-Якуб-баю, то оно интересно в том отношении, что подтверждает высказывавшийся уже однажды в литературе взгляд на возможность пожалований не только из общегосударственного земельного фонда («падшалычные» земли), но и из ханских фамильных мульков-поместий.³

К землям, выбывшим таким путем из состава «удельного» фонда, наш автор уже не относит титула «мульк-и-халис», что, повидимому, должно указывать на отличие обыкновенных частновладельческих мульков в налоговом отношении от личных земель хана и его ближайших родственников, в том случае, очевидно, если «обеление» частных мульков не оговорено особыми ханскими ярлыками.⁴

V

Подходя к выяснению вопроса о характере эксплуатации крестьянства, сидевшего на удельных землях хивинских ханов, мы встречаемся здесь с значительным разнообразием производственных отношений, свойственных вообще району Хивы в рассматриваемую эпоху и изученных пока еще крайне недостаточно.

Характеризуя помещичье хозяйство послереформенной России, хозяйство «переходной эпохи», В. И. Ленин дает нам классический образец ана-

¹ О крупной земельной собственности «эмир-уль-умара» (Сейид-Махмуда) в Шураханском районе упоминают и русские исследователи. См. Туркест. вedom., 1875, № 10. Давилевский (цит. соч., стр. 123) также отмечает, что земли, расположенные по правому берегу Амударьи, целиком находились во владении лиц ханствующего дома и их приближенных.

² Шкапский (цит. соч., стр. 108) говорит о некоторых других членах ханской фамилии, также, повидимому, владевших землями в Шураханском районе.

³ Данные по этому вопросу приводятся у Шкапского (цит. соч., стр. 99), оспаривающего возможность пожалований из фонда ханских земель.

⁴ Шкапский (цит. соч., стр. 113) утверждает, что «Хивинское ханство не практикует такой системы («обеления»). Если это мнение и соответствует действительности, то, возможно, только для позднейшего времени; примером такого рода «обеления» частновладельческого мылька служит ярлык хивинского хана Алла-кули (1825 — 1842), выданный в 1241 (1826) г. туркменским ходжам «на тарханское достоинство». См. Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. IV, 1859, стр. 450 (текст) и 453 (русский перевод).

лиза происходившей здесь борьбы элементов барщинного хозяйства с развивающейся капиталистической системой.¹

Сравнивая Россию и Хиву 60-х годов XIX в. следует отметить, что существенная разница заключалась между ними конечно в том, что в русской деревне пережитки феодальных отношений сравнительно быстро уступали свое место капитализму, а в Хиве они лишь постепенно разлагались под влиянием роста товарных отношений, не утрачивая, однако, своей устойчивости. В соответствии с этими особенностями обезземеливание крестьянства в России вело «к превращению крестьянина в сельского рабочего», а в Хиве та же причина обуславливала собой дальнейшее распространение ипольщины и укрепление докапиталистических форм эксплуатации.²

Широкое распространение ипольной аренды — факт достаточно хорошо известный как в Хиве, так и в Средней Азии в целом.³ Такого же рода аренда практиковалась и на ханских землях, как свидетельствуют об этом имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Так, напр., бывшие русские невольники в Хиве рассказывают, что хан часть своей земли «отдает в наймы, смотря по доброте, с третьей, четвертой и пятой части урожая».⁴

Цитировавшийся уже выше Данилевский (1842) отмечает, что «ханские земли отдаются ежегодно в распахку под условием, чтобы третье зерно поступало в ханские житницы».⁵ Количество собираемого ханом ежегодно таким образом зерна Данилевский определяет в 150 тыс. батманов.⁶

Эти же условия ипольной аренды существовали в Хиве и в рассматриваемый нами период правления Сейид-Мухаммед-хана. Об этом сообщает

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. III, изд. 3-е, 1927, стр. 141—150.

² Это не значит, конечно, что наемный труд в сельском хозяйстве Хивы не применялся вовсе, однако, его удельный вес был ничтожен. В 30-х гг. XIX в. наемный рабочий в Хиве получал 7 тенге (3 р. 50 коп. асс.) в месяц при цене пшеницы от 50 до 80 коп. асс. за пуд. См. Журн. мануф. и торг., 1843, ч. II, СПб., стр. 131—132.

³ Ср. замечания автора по этому вопросу в Известиях АН СССР по отделению общественных наук, 1935 г. № 8, стр. 755 и сл.

⁴ Журн. мануф. и торг., 1843, ч. II, стр. 148. Средения относятся к 30-м гг. XIX в., когда в Хиве правил Алла-кули-хан.

⁵ Данилевский, цит. соч., стр. 136.

⁶ Хивинский батман — 45—49 ф. Пользуясь последней цифрой Данилевского, можно было бы произвести примерный подсчет ханских земель, обрабатывавшихся через издольщиков. Принимая, с некоторой условностью, что половина всех земель засеивалась под пшеницу, а остальная часть под джугару и просо (ср. Военный сборн., 1874, № 4, стр. 375, 378—379) и принимая среднюю урожайность пшеницы в 50 пуд., а джугары и проса — в 75 пуд. с танапа, мы должны будем определить среднюю урожайность 1 танапа приблизительно в 62 пуда. Умножив цифру поступавшего в ханские «житницы» зерна на 3 и разделив затем полученное число на 62, мы должны будем определить засеивавшуюся издольщиками площадь в 7770 танапов, или около 2900 дес.

Килевейн, указывающий, что «хан часто отдает свои земли и сады в аренду и получает за это третью часть дохода».¹ Являлось ли данное условие аренды единственным для рассматриваемого времени — сказать трудно, за отсутствием соответствующих указаний. Более поздние путешественники, впрочем, отмечают, что доля непосредственного производителя падала иногда с $\frac{2}{8}$ до $\frac{1}{8}$ урожая,² также не указывая условий, на каких производилась сдача-аренда земли. Изъятие прибавочного продукта в форме натуральной ренты не избавляло, разумеется, крестьянина от целого ряда «огработок», из которых наиболее тяжелой являлась, как известно, повинность по очистке и ремонту оросительных сооружений, требовавших большого труда и времени в разгар весенних полевых работ.³ Возможно также, что сдача ханских угодий в аренду была связана с участием откупщиков. На такое предположение наводит сообщение Данилевского о том, что ханские «сады» сдаются на откуп по цене от 80 до 250 тиллей.⁴ Откупщики уже от себя могли сдавать снятые ими земли мелкими участками непосредственным производителям.

Значительный интерес вызывают слова Муравьева о том, что на ханских землях при Мухаммед-Рахиме работает население «нескольких деревень» сартов⁵ и каракалпаков, поселенных здесь в принудительном порядке.⁶ За свою работу данная группа крестьян была освобождена, по словам Муравьева, от подати с котла, т. е. от уплаты ренты государству (салгыт).

К чему вообще сводились особенности в положении данной группы крестьян и продолжали ли они работать на ханских землях при Сейид-Мухаммеде, — остается невыясненным. О насильственно переселенных на ханские земли крестьянах сообщает в 1873 г. Кун, из слов которого, между прочим, видно, что переселенцы эти находились в крайне тяжелом положении, уплачивая владельцу земли от двух пятых до половины всего

¹ Килевейн, цит. соч., стр. 108.

² Военный сборник, 1874, № 4, стр. 375.

³ Особенно тяжелыми считались повинности по очистке так называемых ханских каналов, работы на которых проходили с большим напряжением. Зажиточная часть крестьянства стремилась от этих работ откупиться, выставляя за себя наемных рабочих и не оставившаяся перед уплатой по 6 и более тенег в день. Подробнее об этом см. цит. Журн. мануф. и торг., ч. II, стр. 119—121, 131, 145 и др. См. по этому поводу также цит. соч. Гиршфельда и Галкина, ч. II, стр. 52—53.

⁴ Данилевский, цит. соч., стр. 137. О сдаче ханских поместий на откупа еще ранее упоминает Муравьев (цит. соч., стр. 81).

⁵ Подобно Абулгази и авторам хивинских хроник, Муравьев сартами называет потомков первоначального оседлого населения Хивы, завоеванного в начале XVI в. узбеками.

⁶ Муравьев, цит. соч., стр. 80.

урожая.¹ При оценке данного сообщения Куна необходимо, однако, иметь в виду те неясности, какими вообще отличается определение категории «ханских земель», даваемое этим автором (см. выше). Возможно, поэтому, что данное замечание Куна должно быть отнесено к той части населения, которая переселялась хивинским правительством на вновь орошенные земли, категории м е м л е к е - и - п а д ш а х и, а не на личные земли хана. Приведенные выше сведения, несмотря на свою неполноту, дают все же известное представление о тяжести того гнета, какой должны были выносить массы хивинского крестьянства, работавшего как на общегосударственных («падшальчных») землях, так и на ханских угодьях в рассматриваемое время.

Ко всему сказанному следует добавить, что ханские земли, как и вообще все орошаемые земли в Средней Азии, ежегодно требовали огромного количества труда для поддержания в исправном виде своей ирригационной системы, что также должно было ложиться тяжелым бременем на окружающее крестьянство, лишавшееся кроме того значительного количества воды для полива своих собственных скудных посевов. Крестьянские восстания, кипевшие в Хиве почти на всем протяжении XIX в., особенно среди туркмен, каракалпаков и других наиболее угнетенных национальностей, с достаточной убедительностью указывают на чрезвычайно тяжелое положение местного крестьянства.

Сложность существовавших на ханских землях производственных отношений еще более усиливается в связи с применением здесь труда рабов, преимущественно иранцев, о чем имеются вполне бесспорные свидетельства современников. Заметим попутно, что говоря о рабовладении, К. Маркс характеризует его, между прочим, как систему хозяйства, которая «проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок».² Одну из таких промежуточных ступеней занимало и рабовладение в Хиве. На важное значение труда рабов в сельском хозяйстве ханства указывают все путешественники, посещавшие Хиву вплоть до момента завоевания ее Россией в 1873 г., в том числе и те из них, которые описывают ханство в период управления им Сейид-Мухаммеда.³

¹ Туркест. ведом., 1873, № 32.

² К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, М.-Л., изд. 7-е, 1931, стр. 755.

³ Литература и ряд сведений о рабовладении в Средней Азии вообще приведены в работе Н. И. Веселовского «Русские невольники в среднеазиатских ханствах» (Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Ташкент, 1881). Здесь мы останавливаемся только на тех данных, которые относятся к непосредственно интересующему нас периоду.

«В Бухаре, особенно же в Хиве,— говорит Вамбери (1863),— земледелием почти исключительно занимаются невольники, которых в одном только Хивинском ханстве насчитывается более 80 тыс. человек. Грубые нравы сделали меч необходимым спутником туземца, плуг же считается недостойным для них орудием и они передали его своим рабам».¹ Несмотря на несомненное преувеличение общей численности рабов в Хивинском ханстве, автор все же, повидимому, довольно верно определяет их значение в хозяйственной жизни страны. Подобная же оценка роли невольников встречается и у других, как более ранних, так и более поздних авторов. Так Н. Залесов, находившийся в составе русского посольства в Хиву в 1858 г., утверждает, что «персияне-рабы играют здесь весьма важную роль, и почти положительно можно сказать, что без этой посторонней помощи половина обработанных ныне земель ханства лежала бы в запустении».² Общую численность рабов в ханстве автор определяет в 10 тыс. человек. Социальная структура рабовладения отчасти вскрывается сообщениями русских невольников, возвратившихся из Хивы на родину, о том, что «многие в Хиве имеют по десять и более рабов» и что даже «посредственного состояния» хивинцы имеют по одному и по два раба».³

Что рабство в рассматриваемое время не носило бытового характера, а было связано с земледелием, видно также из слов Килевейна, который отмечает, что «они (невольники) живут на землях своих господ».⁴

Если рабский труд так широко применялся во всем ханстве, то не могли являться исключением, разумеется, и личные имения хана, тем более, что покупка рабов хивинскими ханами производилась в весьма широ-

¹ А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 239. Эту же мысль Вамбери выражает и в более раннем своем «Путешествии по Средней Азии», СПб., 1865, стр. 163.

² Военный сборник, 1859, кн. 5, стр. 286.

³ Журн. мануф. и торг., 1843, ч. II, кн. I, стр. 142. Один из позднейших путешественников, Хорошкин, сообщает, что число рабов у одного владельца доходило, по расспросным данным, до 150 человек (?). Общее число рабов в Хиве достигало, по тем же данным, 30—40 тыс. человек. Туркест. ведом., 1873, № 33.

Рассказывая о нашествии на Хиву Надир-шаха в 1740 г., Мунис, между прочим, сообщает следующее: Он (Надир) забрал здесь 4 тысячи нукеров и тысячу харваров зерна. В переводе на хивинские меры каждый харвар весит пять тысяч батманов. Рабы (в тексте бурдэ, собств. бардэ) также были отобраны. В числе (пострадавших) находился мой дед Шир-Мухаммед-мираб, сын Эшим-бия, у которого было отобрано тысяча батманов хлеба и 50 рабов — мужчин и женщин. Фирд.-икб., Е 6, л. 386 (внизу).

⁴ Килевейн, цит. соч., стр. 107.

ких размерах, а в отношении невольников русского происхождения она иногда являлась даже особой регалией.¹

На ряду с такого рода общими указаниями, имеются также и прямые свидетельства о применении труда рабов на ханских поместьях. В отношении первой половины XIX в. можно было бы сослаться, в частности, на рассказ одного из бывших хивинских невольников, Грушина,² а также на свидетельство Муравьева, говорящего о невольниках; «весьма рачительно» обрабатывающих ханские земли.³

Другой из невольников, уже упоминавшийся выше, Ковырзин, сообщает, что Мухаммед-Рахим-хан имеет большое количество пахотных земель, которые обрабатываются 500 его собственных невольников.⁴

Из слов других бывших хивинских пленных 30-х гг. также видно, что часть своих земель хан «распахивает собственными своими невольниками».⁵ Что касается времени Сейид-Мухаммеда, то имеющиеся данные также вполне определенно указывают на участие рабов в обработке ханских поместий.

Так цитировавшийся уже Н. Залесов, описывая свое пребывание в ханском «саду» в Гендумкане в 1858 г., сообщает, между прочим, что «прислуга при саде состоит из десяти рабочих, живущих около дворца в небольших домиках; все они, так же как и главный садовник, из пленных персиян».⁶ Не лишено значения в данном сообщении также упоминание о «главном садовнике» (подчеркнуто мной), под которым очевидно, следует понимать управляющего именем, фигуре довольно типичной для богатых хивинских поместий и отчасти тоже описанной в литературе на основании рассказа Ковырзина.⁷

Таким образом можно констатировать, что какого-либо единообразия в системе ведения хозяйства на ханских угодьях в Хиве не наблюдалось. Большая часть их, повидимому, сдавалась на условиях польной аренды, некоторые из них обрабатывались, возможно, при помощи насильственно

¹ Н. И. Веселовский. Русские невольники etc., стр. 5, прим. 1. Возникновение этой своеобразной регалии связано было, повидимому, с широким использованием русских невольников в военном деле.

² В. Даль. Рассказ пленника Ф. Ф. Грушина. Литературн. прилож. к «Русск. инвалиду», 1878, № 5, стр. 84.

³ Муравьев, цит. соч., стр. 80.

⁴ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches etc., Bd. II., S. 46.

⁵ Журн. мануф. и торг., цит. соч., стр. 148.

⁶ Военный сборник, 1859, кн. 5, стр. 275.

⁷ Beiträge zur Kenntniss etc., Bd. II, S. 36—37.

прикрепленных к ним крестьян и частично, наконец, эксплуатировались с помощью труда рабов.¹

Из сказанного следует также, что если и можно говорить о крупном хозяйстве на ханских землях в Хиве, то, повидимому, только в отношении угодий последней группы, обработка которых являлась возможной при наличии у землевладельца собственного сельскохозяйственного инвентаря и соответствующего оборудования на территории поместий. На землях, сдававшихся издольщикам, всего этого, очевидно, не требовалось, так как крестьяне здесь работали собственным инвентарем и может быть получали от землевладельца-хана (или заменяющего его откупщика) только семена для посева.

* * *

В заключение необходимо отметить, что настоящая небольшая работа ни в какой степени не может претендовать на исчерпывающую характеристику ханского землевладения в Хиве даже на данном отрезке времени. В задачу автора входило лишь отметить сложность данной проблемы, а также указать на важность ее для знакомства с особенностями позднейшего среднеазиатского феодализма и, между прочим, подчеркнуть, что и нарративные источники при рассмотрении даже такого сравнительно узкого вопроса, как поставленный здесь вопрос о ханских землях, оказываются иногда не бесполезными и заслуживают поэтому внимания со стороны исследователей аграрного строя.

Исчерпывающая характеристика затронутого здесь вида феодального землевладения возможна, разумеется, лишь на основе изучения специальных аграрных документов, которых для Хивинского ханства данной эпохи до сих пор, к сожалению, не обнаружено.

¹ Одновременное использование на поместьях труда рабов и различных категорий зависимых и полузависимых крестьян — явление известное и в истории европейского аграрного строя. В частности из Книги страшного суда (Domesday Book) видно, что такого рода сочетание встречалось на мэнорах Глостерского монастыря в Англии в XIII в. См. Социальная история средневековья. Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II. Деревня и город позднего средневековья. М.—Л., 1927, стр. 77—78.